

7
VII
94

СЛОВО О ПОЯВѢ ИГОРЕВЪ

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ

КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Е. В. БАРСОВА.

Томъ I.

МОСКВА.

1887.

7
VII
9A

СЛОВО О ПОЛКѢ ИГОРЕВѢ

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ

КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Е. В. БАРСОВА.

Томъ I.

МОСКВА.

1887.

27222.16.11

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

"SLOVO O POLKU IGOREVE"
1

Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Милостивому Государю

КОНСТАНТИНУ ПЕТРОВИЧУ

ПОБѢДОНОСЦЕВУ.

Милостивый Государь

Константинъ Петровичъ!

Вотъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ, какъ я имѣю счастье пользоваться Вашимъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ, которое всегда служило мнѣ на пользу и возбуждало меня къ научной дѣятельности. Не могу не цѣнить, что Вы, среди многосложныхъ Вашихъ занятій, находили и время, и возможность вести переписку съ незамѣтнымъ труженникомъ, витавшимъ на берегахъ Онѣжскаго озера. Своимъ добрымъ вниманіемъ къ моимъ послѣднимъ работамъ Вы не только навсегда утвердили, но и постоянно поддерживали меня на трудномъ ученомъ пути. Окончивъ настоящую книгу, я сознаю, что она внутренне связана съ вашимъ благороднымъ воздѣйствіемъ на мои нравственныя силы.

Но не одно только это чувство побуждаетъ меня посвятить Вашему имени настоящую книгу.

Мнѣ извѣстно, какъ высоко цѣните Вы „Слово о полку Игоревѣ“, это драгоцѣнное наслѣдіе Киевской Руси. Мнѣ извѣстно, какъ близокъ Вашему сердцу тотъ идеаль „единой земли Русской“, который блистаетъ здѣсь такими яркими лучами, служа завѣтомъ Кіева Русской исторіи. Мнѣ извѣстно наконецъ, что если Вы сами всецѣло не занимались разработкой „Слова“, то помогали разрабатывать его другимъ.

Вотъ почему, посвящая Вашему имени эту книгу, я остаюсь въ убѣжденіи, что если въ комъ, то именно въ Васъ настоящій трудъ мой встрѣтитъ доброе и благосклонное сочувствіе.

Благоволите же принять, милостивый государь Константинъ Петровичъ, настоящее мое приношеніе и какъ дань той глубокой признательности и какъ свидѣтельство того искренняго къ Вамъ уваженія, которыя не поддаются теченіямъ времени и перемѣнамъ мѣста, и останутся во мнѣ неизмѣнными, пока жива душа моя.

Е. Барсовъ.

Москва.

Ноября 2 дня 1882 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Слово о полку Игоревѣ“ есть памятникъ XII вѣка, сколько драгоценный по своему историческому и литературному значенію, столько замѣчательный и по своей странной исторической судьбѣ. Онъ сталъ извѣстенъ намъ съ конца XVIII вѣка, въ спискѣ единственномъ и притомъ неисправномъ. „Только необъяснимая случайность, какъ замѣтилъ одинъ ученый, выбросила намъ изъ бездны забвенія эту думу о походѣ Игоря“. Но скоро погибъ и этотъ единственный списокъ—въ московскомъ пожарищѣ 1812 года, оставивъ насъ лишь при печатномъ изданіи, съ бездною недоразумѣній.

Не лучшая судьба постигла и первыя работы по его изученію. Изучалъ его графъ Мусинъ-Пушкинъ, явившій его свѣту, но изъ его бумагъ едва уцѣлѣлъ до насъ одинъ небольшой листокъ. Изучалъ его одинъ изъ главныхъ редакторовъ 1-го изданія А. Ѳ. Малиновскій, но и отъ его работъ найдены лишь незначительные остатки. Изучалъ его профессоръ Тимковскій и извѣстно даже, что только три слова въ текстѣ затрудняли его, но и его работы также пропали безслѣдно. Наконецъ даже и самые оттиски перваго изданія, въ большинствѣ своихъ экземпляровъ, сгорѣли вмѣстѣ съ своимъ оригиналомъ и въ настоящее время представляютъ большую библиографическую рѣдкость. Не даромъ Вальтеръ Скоттъ, прочитавъ этотъ памятникъ, въ одномъ изъ писемъ къ

графу Орлову выражалъ удивленіе, что Русскіе такъ мало умѣютъ понимать и цѣнить свои лучшія произведенія.

Но какъ скоро оригиналь первопечатнаго изданія сгорѣлъ, тогда мы спохватились и поняли, какой драгоцѣнности у насъ не стало. Начиная съ Великой Императрицы Екатерины II, едва не всѣ имена извѣстѣйшихъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ связываются затѣмъ съ дальнѣйшей исторіей и разработкой этого памятника на почвѣ, оставленной печатнымъ изданіемъ. Императорская Академія Наукъ зорко слѣдила за появленіемъ подобныхъ трудовъ и спѣшила дать о нихъ свой отзывъ. Филологи, историки литературы, одинъ передъ другимъ, въ самыхъ разнороднѣйшихъ работахъ, спѣшили остановить свое вниманіе на „Словѣ“ и стремились пролить свой лучъ свѣта на темныя и испорченныя мѣста его. Исторіографы заносили его въ свои прагматическіе курсы, на страницы капитальнѣйшихъ трудовъ своихъ и снабжали его своими учеными примѣчаніями. Лучшіе поэты стремились другъ передъ другомъ уловить чудные оттѣнки подлинника и въ своихъ художественныхъ стихахъ воспроизвести его неподражаемыя красоты. Въ лицѣ Александра Сергѣевича Пушкина, *само русское искусство*, восторгалось этимъ произведеніемъ Кіевской Руси и выступало за него на открытую борьбу съ скептицизмомъ и его діалектикой. Лучшіе педагоги—преподаватели словесности, также не уступали поэтамъ и ученымъ въ стремленіи внести въ него свои посильные комментаріи. И не только писатели свѣтскіе, но и знаменитѣйшіе писатели духовные обращали на него свое просвѣщенное вниманіе и не оставались равнодушными къ его высокому поэтическому значенію. Кіевскій митрополитъ Евгеній, Херсонскій архіепископъ Иннокентій, Черниговскій архіепископъ Филаретъ, ученѣйшій филологъ Павскій сказали каждый свое слово объ этомъ драгоцѣнномъ наслѣдіи Кіевской Руси. Листы новостей и текучей литературы спѣшили повѣдать свѣту о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся трудѣ по его разработкѣ. Интересъ, вызываемый подобными трудами, не ограничивался текучею печатью; онъ становился предметомъ живаго обмѣна мыслей и въ частныхъ

письмахъ и домашнихъ бесѣдахъ, въ кружкахъ лицъ просвѣщенныхъ.

Не оставалось „Слово“ чуждымъ и славянскому міру. Знаменитѣйшіе иноземные славяновѣды: Добровскій, Ганка, Шафарикъ, посвящали ему свои досуги, ссылались на него, переводили и исправляли текстъ.

Какой высокій и чарующій интересъ представляетъ „Слово“ у насъ въ Россіи для людей литературныхъ, это еще съ большею наглядностію видно изъ того, что лица, посвящавшія себя его изученію, смотрѣли на свое дѣло, не какъ на личное занятіе, но какъ на дѣло историческое и какъ на подвигъ своей жизни: не только цѣлые годы, но даже цѣлые десятки лѣтъ были посвящаемы его изученію. Такъ А. Майковъ занимался имъ 8 лѣтъ, Мей 9 лѣтъ, Грамматинъ 15 лѣтъ, князь П. П. Вяземскій около 30 лѣтъ, Максимовичъ болѣе 40 лѣтъ. Намъ пришлось видѣть, какимъ одушевленіемъ и какимъ огнемъ, уже въ глубокой старости, озарялся взоръ Максимовича, когда заходила съ нимъ рѣчь о „Словѣ“; казалось, вмѣстѣ съ нимъ воплощалась въ его душѣ вся Кіевская Русь; казалось, въ эту минуту онъ молодѣлъ и горѣлъ пыломъ юнаго сердца.

Въ виду безъ сомнѣнія такой важности „Слова“ и столь глубокаго, связаннаго со всѣми силами души, отношенія къ нему изслѣдователей и переводчиковъ, изданія ихъ большею частію были посвящаемы или милымъ и дорогимъ друзьямъ и благодѣтелямъ, или же лицамъ именитымъ, меценатамъ и покровителямъ русской науки. Такъ, напримѣръ, изданія Пожарскаго и Грамматина были посвящены государственному канцлеру графу Румянцеву; изданіе Дубенскаго—министру просвѣщенія графу С. С. Уварову. Изданіе Де-ля-рю посвящено:

Тѣмъ «подъ чьимъ сердцемъ, его заблоса жизнью впервые».
Добрая мати! И ты мой родителъ!

Взываетъ онъ:

Вамъ, мои добрые, звуки мои! И если игра ихъ... хоть на мгновеніе для васъ уладила житейскія скорби;
Счастливы поэтъ; его пѣсни уже свою изду получили.

Изданіе Данила Медича посвящено „Свѣтозару Милетичу, искреннему сербскому родолюбцу, кой ратуетъ на княжевомъ полѣ за свободу и просвѣщеніе милой отчизны, находящейся подъ Швабскимъ ярмомъ и подъ копытомъ гнуснаго турецкаго рабства“.

Громадная литература „Слова“ въ видѣ отдѣльныхъ изданій, переводовъ, толкованій, взглядовъ и мелкихъ замѣчаній, разсѣянныхъ во множествѣ самыхъ разнородныхъ статей, указываетъ, какая настойчивость и какое сильное умственное орудіе требуются для того, чтобы найтись въ этомъ разнообразіи, отличить существенное отъ маловажнаго и изложить все это прагматически, во внутреннемъ и послѣдовательномъ соотношеніи.

Но еще труднѣе послѣ такихъ многочисленныхъ работъ, охватывающихъ собою разныя стороны вопроса о „Словѣ“ и представляющихъ еще болѣе разнообразныя толкованія темныхъ мѣстъ его, еще труднѣе, говоримъ, выступить съ новой самостоятельной работой по возстановленію и уясненію его текста. У нѣкоторыхъ составилось даже убѣжденіе, что всякое новое толкованіе этихъ мѣстъ врядъ ли даже возможно. Признаемся, не безъ внутреннего смущенія взяли мы за эту задачу и не легкомысленное довѣріе къ собственнымъ силамъ въ данномъ случаѣ движетъ нами, а лишь горячее желаніе послужить уясненію этого безсмертнаго творенія, по крайней мѣрѣ настолько, насколько послужили ему другіе.

Главная наша задача направляется къ тому, чтобы возстановить его „историческое и художественное значеніе“, которое въ нашей школѣ едва не совсѣмъ поглощается филологическими и грамматическими тонкостями. Пользуясь знакомствомъ съ древне-русскою письменностію и народнымъ пѣснотворчествомъ, мы старались воспользоваться этимъ матеріаломъ для своей задачи такъ, чтобы наша книга была сколько не бесполезна для ученаго филолога, столько же была доступна для всякаго любознательнаго человѣка. Насколько наша работа двигаетъ впередъ разработку „Слова“, пусть

разсудять о томъ другіе; мы же лишь замѣтимъ о себѣ: „*stulta nostra mens, non scelerata fuit*“.

Но что бы ни сказала критика о нашемъ трудѣ, она не лишитъ насъ утѣшенія, даруемаго сознаніемъ, что мы по мѣрѣ силъ своихъ старались выполнить свою задачу и что намъ удалось навсегда связать свое имя съ литературою „Слова“, въ коей блистаютъ столь славныя имена русской науки и литературы.

Вновь открытыя нами и здѣсь прилагаемыя бумаги Машиновскаго, безъ сомнѣнія, навсегда останутся драгоценнымъ вкладомъ въ исторію этой литературы.

Въ заключеніе пріятною обязанностію считаемъ выразить здѣсь нашу искреннюю благодарность за оказанное содѣйствіе: Аксакову И. С., Антоновичу В. Б., Буслаеву Ѳ. И., Вычкову А. Ѳ., Веселовскому А. Н., Викторову А. Е., кн. Вяземскому П. П., Забѣлину И. Е., Иловайскому Д. И., Карпову Г. Ѳ., Ключевскому В. О., Коршу Е. Ѳ. и Ѳ. Е., Костомарову Н. И., Майкову Л. Н., Миллеру О. Ѳ., Попову Н. А., Пыпину А. Н., Румянцову В. Е., Тихонравову Н. С., Графу Уварову А. С., а также иностраннымъ славянскимъ ученымъ: Патерѣ, Гатталѣ, Нерингу и Точилеско. Спасибо возносимъ мы и нашимъ критикамъ, почтившимъ своимъ вниманіемъ наши отдѣльныя статьи о „Словѣ“ напечатанныя въ разныхъ журналахъ: Андреевскому М. А., Ваденюку П., Маркову Е., Миллеру В. Ѳ. и Смирнову А. И.

Но особую признательность свидѣтельствуемъ здѣсь И. А. Вахрамѣеву, который по доброму къ намъ расположенію и просвѣщенному вниманію къ трудамъ нашимъ, нашелъ нужнымъ и возможнымъ увеличить число отдѣльныхъ оттисковъ настоящей книги.

ВВЕДЕНІЕ

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ, ИДЕЯ И ФОРМА „СЛОВА“.

Слово о полку Игоревѣ начинается «вступленіемъ, въ которомъ авторъ, обращаясь «къ братіи», заявляетъ, что онъ будетъ изображать походъ Игоревъ исторически, а не поэтически, по дѣяніямъ сего времени, а не по размыслу Боянову, и при этомъ характеризуетъ старыя словеса «или пѣснотворчество» Бояна.

За тѣмъ, въ четырехъ основныхъ частяхъ или раздѣлахъ, въ Словѣ рисуются четыре главные картины.

Картина первая изображаетъ предъ нами личный характеръ Игоревъ, его жажду славы, его безстрашіе, самый походъ, отчаянныя битвы, его пораженіе и бѣдствія Русской земли, вызванныя этимъ пораженіемъ.

Картина вторая рисуется предъ нами образъ Великаго Князя Святослава Кіевского, который спѣшитъ къ нему на помощь и вызываетъ ко всѣмъ Русскимъ князьямъ, приглашая ихъ вступить за землю Русскую, за раны Игоревы. При этомъ передается его зловѣщій сонъ, оправданный несчастіемъ Игоря, а самое воззваніе къ князьямъ на зывается «золотымъ словомъ, со слезами смѣшаннымъ».

Картина третья даетъ намъ образъ Ярославны, которая тоскуетъ въ Путивлѣ и, глядя съ городской стѣны на чистое поле, причитаетъ, обращаясь съ заклинаніями къ солнцу, вѣтру и Днѣпру и умоляя ихъ прилежаться къ ней ея милую ладу.

Наконецъ картина четвертая изображаетъ предъ нами освобожденіе Игоря изъ плѣна, его бѣгство въ родную землю, его прибытіе